

История краеведения

А.Г. Смирнова

Журнал «Краевед-массовик» (Московская область) и реалии краеведения начала 1930-х годов

Не подлежит ни малейшему сомнению, что «Краевед-массовик» москвичей стоит на той дороге, которая является путем советского краеведения.

*Советское краеведение.
1931. № 7–8. С. 106*

Статья посвящена вопросам истории советского краеведения на рубеже 1920–1930-х годов и журналу «Краевед-массовик», который выходил в 1931–1932 гг. как периодическое издание краеведов Московской области. На страницах журнала публиковались материалы, в которых отражались все основные процессы реорганизации краеведческого движения, перестройки краеведческой работы в СССР и в Московской области, связанные с государственной политикой индустриализации, коллективизации и культурной революции.

Ключевые слова: советское краеведение, краеведческие организации, кружок, Общество изучения Московской области, Московское областное бюро краеведения, журнал, передовая статья, социалистическое строительство, трудящиеся массы, завод, колхоз.

История отечественного краеведения периода «золотого десятилетия», 1920-х годов, с конца XX в. не перестает привлекать внимание исследователей как один из важнейших этапов развития и расцвета краеведения в нашей стране: именно в этот период оформилась организационная структура краеведческого движения, сформировались основные институты, координирую-

щие краеведческую работу в масштабах всего государства, были сформулированы важнейшие положения теории краеведения, выработаны и закреплены основы краеведческой методики, оформились основные направления научно-исследовательской краеведческой работы, были налажены механизмы взаимодействия краеведческих объединений через всероссийские (всесоюзные конференции) и печатные органы – центральные журналы «Известия ЦБК», «Краеведение» и местную краеведческую периодику. На фоне всех этих ярких, хотя и сложных и неоднозначных процессов 1920-х годов начало 1930-х годов в истории отечественного краеведения кажется периодом малоинтересным¹. Однако это не совсем так, следует согласиться с мнением В.Ф. Козлова о том, что «Период 1930–1936 гг., когда краеведение подверглось полному “огосударствлению”, беден содержанием историко-культурной работы, но зато весьма интересен организационными формами»². Действительно, курс на коренную перестройку краеведческой работы в масштабах страны, взятый еще во второй половине 1920-х годов, к началу 1930-х годов получил выражение и на законодательном, и на организационном уровнях, и, собственно, в новом содержании краеведческой работы. Все эти процессы реорганизации краеведческого движения и краеведческой работы в стране были обусловлены теми изменениями, которые претерпевали само советское государство и общество на рубеже 1920–1930-х годов. Главные политические и экономические задачи, сформулированные в этот период, связанные с ускоренной индустриализацией, коллективизацией при полном отказе от рыночных элементов и окончательном переходе к военно-мобилизационным механизмам в экономике, потребовали выработки новых форм и методов их достижения. Тотальное планирование, жесткий контроль, в том числе идеологический, во всех сферах жизнедеятельности государства и общества, воспитание человека «нового типа», декларативная опора на трудящиеся массы рабочих и крестьян, внедрение соци соревнования как основного рычага ускорения экономического развития и репрессивный механизм как необходимое условие эффективности всех этих мер – таковы, как известно, исторические реалии рассматриваемого периода.

Краеведение в этой ситуации не стало исключением, вся система краеведческих организаций и содержание краеведческой работы предшествующего периода уже не годились, и требовалось привести их в соответствие с государственными задачами, поставить на новые рельсы. «Огосударствление» краеведения декларировалось в различных документах, в том числе в Постановлении

СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. «О мероприятиях по развитию краеведческого дела», где говорилось:

Совет Народных Комиссаров РСФСР в целях улучшения и развития краеведения в соответствии с развернутыми темпами социалистического строительства постановляет: 1. Признать необходимым перестроить практическую работу краеведческих организаций в направлении, обеспечивающем: а) действительную увязку всей краеведческой работы с конкретным планом социалистического строительства каждого данного района, предприятия, совхоза, колхоза и т. д.; б) вовлечение в краеведческую работу широких масс рабочих, колхозников, комсомольцев, пионеров, туристского актива, учащихся³.

Краеведение официально объявлялось «одним из важнейших каналов участия масс в соцстроительстве», «массовым движением рабочих и колхозного крестьянства за активное участие в строительстве социализма»⁴. По этому поводу В.Ф. Козлов пишет: «Среди общественных и социальных явлений в 1930-е годы краеведение одно из первых испытало на себе сильнейшее давление нигилистического вульгарно-социологического прессы. Под постоянно растущим влиянием искусственно разжигаемой “классовой борьбы” в советском обществе с конца 1920-х годов историческое краеведение стало уходить со сцены, уступая место быстро развивающемуся производственному краеведению»⁵. Генеральную линию в этом процессе определила IV Всероссийская конференция по краеведению, прошедшая в марте 1930 г., декларирующая новое содержание, цели и задачи советского краеведения. А X Пленум Центрального бюро краеведения (ЦБК) в январе 1931 г. дал целый ряд практических установок в свете новых задач краеведения и в целом еще более ужесточил критику предшествовавшего периода с точки зрения содержания краеведческой работы с ее историко-культурной составляющей как оторванной от практической жизни, контрреволюционной, чуждой марксистско-ленинской идеологии.

Соответственно новым установкам и задачам менялись и организационные формы краеведения. Рубежа 1930-х годов не пережило большинство краеведческих обществ и организаций предыдущего десятилетия, а те, что остались, подверглись серьезной трансформации. Один из активных деятелей IV Всероссийской конференции, С. Толстов, писал о новой организационной структуре краеведения, «при которой основной оперативной единицей становилась низовая фабрично-заводская и колхозная ячейка краеведения», а «краеведные общества подлежали полной ликвидации

сверху донизу с заменой их районными, окружными и областными бюро краеведения»⁶. Действительно, уже упомянутым Постановлением 1931 г. была закреплена полностью реорганизованная «система строения краеведческих организаций в РСФСР»: работу низовых «краеведческих ячеек на предприятиях, в совхозах, колхозах, школах и учреждениях» должны были объединять и направлять местные конференции, в республиках, автономных республиках, краях и областях учреждались соответствующие бюро краеведения при органах народного образования, а возглавляло эту систему, как и прежде, ЦБК при Наркомпросе, в которое входили представители государственных, профессиональных и общественных организаций⁷. Краеведческие кадры становились, таким образом, на службу государству, превращались в одну из многих составляющих той, по преимуществу, бесплатной рабочей силы, ставка на которую была сделана руководством страны в этот период. Более того, массовость новых краеведческих организаций должна была обеспечить государству в полном смысле слова целую армию краеведов, перед которыми были поставлены абсолютно конкретные узкопроизводственные, хозяйственные задачи, продиктованные текущим моментом и условиями конкретной местности. Краеведческая работа теперь должна была тесно увязываться с местными плановыми и хозяйственными органами, с деятельностью научных, учебных, политико-просветительных учреждений, профсоюзных, комсомольских и пионерских организаций, организаций юных натуралистов, с туристическим движением и проч. В краеведческую деятельность должны были вовлекаться широкие массы трудящихся, красноармейцев, школьников.

Главными направлениями «краеведной работы» объявлялись изучение природных богатств и производительных сил, борьба с «отсталыми формами быта», «принятие практических мер, обеспечивающих усиление работы краеведческих организаций по изучению вопросов, связанных с задачами укрепления обороноспособности страны»⁸.

В русле этих задач в начале 1930-х годов перестраивало свою работу и Общество изучения Московской области (ОИМО), созданное в 1925 г. Важнейшая роль в деле привлечения масс к краеведческой работе в новых условиях отводилась специально созданному Комитету по массовой работе ОИМО, а трибуной для озвучивания целей и задач ОИМО, для пропаганды основных направлений краеведческой деятельности, для знакомства с методикой работы, с ее постановкой на местах и с важнейшими результатами стал новый журнал «Краевед-массовик Московской области».

В первом номере журнала была помещена небольшая заметка о Комитете по массовой работе⁹, в которой говорилось о том, что «в связи с переходом на областные рамки работы перед Московским обществом особенно остро встал вопрос о вовлечении широких масс в краеведческое движение», что и обусловило создание «Комитета по массовой работе», который начал функционировать с 1 января 1930 г. и который, «являясь организацией методически-оперативной... одной из своих основных задач считает пропаганду идей краеведения в широких слоях трудящихся». Этим целям должен был служить журнал «Краевед-массовик». Само название журнала имело программный характер, ибо установка на массовый характер краеведения в начале 1930-х годов стала главным стержнем развития всей краеведческой работы, что декларировалось в первом номере нового журнала: «Вопрос о массовом краеведении должен занять первое место в порядке дня работы краеведческих организаций», этот вопрос объявлялся «рычагом всего краеведческого движения»¹⁰. Установка сделать краеведение массовым одновременно может рассматриваться и как главная задача журнала, и как важнейшая причина его возникновения. В одном из номеров «Советского краеведения» (центрального журнала ЦБК) за 1931 г. была помещена рецензия А. Большакова на вышедшие к этому времени номера «Краеведа-массовика», озаглавленная весьма красноречиво: «Твердое задание на 1931 г. Каждая область, каждый край обязательно имеют свой краеведный журнал»¹¹. В этой статье автор, абсолютный апологет нового советского краеведения, писал, что никакое массовое движение невозможно без своего печатного органа и что «самый факт наличия у Московского ОБК (организация, сменившая ОИМО. – А.С.) своего журнала свидетельствует о том, что московские товарищи вполне правильно оценили значимость вооружения краеведа печатным словом», а также подчеркивал, что «общая установка журнала, сформулированная в его названии, удачно и четко предугадывает поставленную журналом задачу – вовлечения масс трудящихся в краеведную работу».

Журнал «Краевед-массовик» начал выходить в 1930 г. В редколлегии вошли И.Г. Клабуновский (председатель), Н.А. Дорогугин (секретарь), Г.Д. Костомаров (ответственный редактор), А.П. Левицкий, Л.Г. Каган, Б.Б. Веселовский, А.А. Мансуров, А.И. Вершинский. Располагалась редакция там же, где и ОИМО, – по адресу: Моссовет-облплан.

В передовой статье Г. Костомарова «О массовой работе по краеведению в Московской области» в первом номере журнала за 1930 г.¹² о целях «Краеведа-массовика» говорилось, что «выпуск...

журнала является началом той работы, которая в настоящее время проводится по перестройке всей системы краеведения... Журнал «Краевед-массовик», давая на своих страницах ряд руководящих статей по вопросам краеведения, в то же время является связующим звеном центра и периферии», что с помощью журнала краеведческие кружки Московской области могут обмениваться опытом, а рабочие клубы, колхозы, библиотеки и избы-читальни – организовывать краеведческую работу трудящихся, пропагандировать эту «весьма полезную в государственном отношении работу, которая, разбиваясь на целый ряд разрезов, затрагивает все актуальные вопросы современности, создавая из этих отдельных частей – целое: изучение своего района, фабрик, колхозов и т. п.».

В этой же передовой декларировались и главные задачи ОИМО:

На базе развертывания реконструктивных процессов обостряется классовая борьба, особенно в период, когда партия, рабочий класс, батрачество и крестьянская беднота ликвидирует в союзе с середняком кулачество как класс. <...> Мы должны резко повернуть нашу исследовательскую работу в области экономики к актуальным вопросам строительства всего народного хозяйства на более высокой научной основе, сделав свою теоретическую работу доступной широким рабоче-крестьянским массам и практически применимой в их повседневной работе. <...> Общество изучения Московской области должно не только изучать процессы экономического, политического и идеологического характера, оно должно в своей работе участвовать активно в культурно-бытовом строительстве на новой основе.

Новый журнал ОИМО стал тем зеркалом, которое в полной мере отражало всю специфику краеведческой работы Общества и его подразделений на новом этапе развития отечественного краеведения, а в дальнейшем – и специфику краеведческих организаций, сменивших в качестве областного центра ОИМО. Восемь номеров «Краевед-массовика» за 1930–1931 гг., рассмотренные в этой статье, как нам кажется, представляют несомненный интерес для исследователя. Здесь помещались как статьи программного характера, так и описания методик краеведческих исследований, различные анкеты и программы для обследований, материалы, посвященные краеведческой работе различных кружков, краеведческих бюро и самого ОИМО, статьи о заводах, фабриках, колхозах, об участии краеведов в социалистическом строительстве и проч. Нередко журнальные публикации сопровождались иллюстративным материалом, таблицами, фотографиями.

Отдельными строками крупным шрифтом на страницах журнала выделяются различные лозунги или цитаты из программных документов, резолюций конференций, как, например: «Товарищ рабочий, знаешь ли ты твой завод. Поставь вопрос об организации краеведческого кружка на заводе. Изучая фабрику – поможешь наладить хозяйство. Изучая свой край – помогаешь строить социализм»¹³; «Колхозник, где ты думаешь строить скотный двор, обсуди этот вопрос на заседании твоего краеведческого кружка. Товарищ колхозник, изучая быт твоего колхоза, поможешь его перестроить. Товарищ колхозник, почему ты не организовал краеведческого кружка в твоем колхозе»¹⁴; «Товарищи избачи, организуйте коллективное чтение журнала “Краевед-массовик”»¹⁵; «Советское краеведение должно изучать в качестве основного объекта комплекс явлений двух категорий в их взаимоотношении и диалектическом развитии, а именно: природу и общественную жизнь (Из резолюции IV Всероссийской конференции по краеведению 22–24 марта 1930 г.). Проводя на практике марксистский метод, советское краеведение должно со всей решительностью бороться с идеализмом во всех его проявлениях и в том числе с религией (Из резолюции IV Всероссийской конференции по краеведению 22–24 марта 1930 г.)»¹⁶ и т. д.

Постоянной рубрикой с первого номера журнала стала «Хроника», в разных номерах выделялись также различные тематические рубрики, которые довольно красноречиво характеризовали новые подходы к краеведению и новые реалии краеведческой работы в стране, например: «Изучай производительные силы своего района», «Краеведная жизнь» (1930. № 2); «Массовая работа краеведов» (1930. № 3); «Изучайте полезные ископаемые» (1931. № 1 (5)); «Музей в рабочем районе и на фабрике», «Музеи – за перестройкой своей работы», «Новые задачи музеев», «За новые кадры» (1931. № 2 (6)); «За изучение внутренних ресурсов», «Из опыта работы на предприятиях», «Новые участки краеведческой работы» (1931. № 3 (7)); «Краеведческая работа в колхозах и совхозах» (1931. № 4 (8)) и др.

Отметим также, что в первых трех номерах за 1930 г. на 3-й странице обложки помещалась информация об изданиях ОИМО: книгах, справочных и методических пособиях, обо всех выпусках еще одного журнала Общества – «Московский краевед» (первый номер вышел в 1927 г.), о «Трудах» Общества. Здесь интересно отметить два факта. Во-первых, самый первый номер журнала имеет на обложке соответственно № 1, а внутри обозначен № 20 (последующие номера будут иметь уже обычную нумерацию: № 2, № 3 и т. д.).

Пользуясь списком изданий ОИМО, можно предположить, что, начиная издание нового журнала, сотрудники редакции одновременно связали его с остальными уже вышедшими периодическими изданиями Общества: 13 выпусков «Московского краеведа» (1927–1929) и 6 выпусков «Трудов Общества» (1928–1930), т. е. как раз 19 позиций. Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что список изданий ОИМО перестает публиковаться уже с № 4 журнала за 1930 г. Объяснение этому можно найти в самом этом номере: вместо упоминания ОИМО здесь указывается, что журнал является органом Московского областного бюро краеведения (МОБК) и Московского областного музея, а передовая статья этого номера «Всем краеведным организациям Московской области» подписана очень интересно – «Московское временное областное бюро краеведения»¹⁷, и в разделе «Хроника» указано, что «в связи с постановлением IV-й Всероссийской краеведной конференции и директивами ЦБК произошла реорганизация Об-ва изучения Московской области и его филиалов на местах. С 1-го октября (1930 г. – А.С.) приступило к работе Временное бюро краеведения, утвержденное МОНО и ЦБК», задачами которого и являлась перестройка краеведческой сети области и всей краеведной работы на новых принципах¹⁸. Так что с конца 1930 г. «Краевед-массовик» был переподчинен новому краеведческому центру Московской области в лице названных выше организаций, и все последующие номера выходили под их эгидой. Непосредственным издателем журнала стало МОБК, обязанности ответственного редактора выполняла председатель МОБК К.А. Коновалова. В составе редколлегии с 1931 г. (№ 3 (7)) указаны также Шестопалов и Бем. Изменился и адрес редакции (М. Грузинская, 15 – Московский областной музей). Выпускался журнал с самого начала тиражом 3 тыс. экземпляров и распространялся массово через киоски, а также через МОБК (угол Арбата и ул. Воровского в Москве, д. 1) и через Московский областной музей краеведения.

Обратимся непосредственно к содержанию журнала и в первую очередь к передовым статьям и прочим материалам программного характера, по которым можно составить довольно полное представление об изменениях, происходивших в начале 1930-х годов в краеведении, и о тех принципах, которые определяли коренную реорганизацию краеведения как такового и его организационных форм в тот период. В качестве главного лейтмотива, определяющего все основное содержание не только передовых статей, но и журнала в целом, следует рассматривать следующие положения:

«С IV Всероссийской краеведной конференции (март 1930 г.) история краеведения в нашей стране по справедливости начинает новую свою страницу» и «Краеведное движение в нашей стране переживает в данное время переломный момент, оно поворачивает на новые пути, и только на этих новых путях оно выйдет на широкую дорогу социалистического строительства и станет подлинным массовым движением»¹⁹.

В первом номере журнала, вышедшем еще до IV Всероссийской конференции по краеведению, в уже упомянутой статье Г. Костомарова в первых же строках четко обозначены приоритеты «нового» советского краеведения:

Неимоверная быстрота темпов культурного и экономического строительства в связи с выполнением пятилетнего плана, подхваченная широкой волной энтузиазма рабочего класса и крестьянской бедноты, не может не требовать удвоенной энергии и от краеведческих организаций, в частности от Московской; причем, вместо старых принципов кабинетной работы, краеведы должны с полным сознанием крупнейших задач, поставленных перед общественностью, в связи с досрочным выполнением пятилетки, нести свои знания и опыт в широкие массы трудящихся, сделав свою работу всеобщим достоянием²⁰.

Обратим внимание на то, что здесь пока еще очень спокойно, без пафоса и надрыва, указано на непригодность «старых принципов кабинетной работы» – как увидим, этот рефрен от номера к номеру будет приобретать все более и более жесткое, идеологически мотивированное принципиальное звучание. Кроме того, здесь еще не чувствуется непримиримого тона по отношению к краеведению прошлых лет, пока еще речь о том, что краеведам следует активизировать свою работу, плотнее увязать ее с новыми задачами социалистического строительства, сделать ее достоянием масс.

Программный характер, в том числе и непосредственно в отношении Подмосковья, носит статья известного краеведа, члена ОИМО Н. Дорогутина «Почему мы должны изучать Московскую область»²¹, где автор настойчиво выдвигает две взаимосвязанные идеи: полноценное изучение Московской области в современной ситуации, в свете современных задач краеведения, т. е. вообще задач социалистического строительства, только лишь силами ученых без привлечения широких масс трудящихся невозможно, и задачи краеведения – это задачи социалистического строительства.

Н.А. Дорогутин указывает на плохую изученность Московской области из-за ее территориальной обширности, устаревших методик краеведческих «описаний», сравнительной малочисленности ученых кадров, которые «не всегда могут хорошо проследить те многие стороны жизни, которые хорошо знает местный человек»²². Отсюда следует вывод о необходимости «разделить труд», привлечь к работе «всех могущих и желающих заняться изучением». Такой подход к краеведению был нов лишь отчасти. О широком плановом привлечении местного населения, рабочих, крестьян к краеведческой работе до сих пор речь еще не шла. А особенности краеведческого метода (локального метода), позволяющего изучать детально массовые явления, используя местные источники и опираясь на местные краеведческие кадры, были обоснованы еще во второй половине 1920-х годов.²³ С этой точки зрения, можно увидеть во взглядах Н. Дорогутина некоторую преемственность понятий. Однако цели краеведческой работы, ради которых она и должна стать массовой, он определяет уже совершенно в русле новых подходов к краеведению, и цели эти вполне утилитарны:

Перед каждым сознательным гражданином Московской области, который хочет принимать активное участие в социалистическом строительстве, строительстве новой жизни, встает во весь рост вопрос: для того, чтобы строить – надо знать, для того, чтобы знать – надо изучать. Вот почему краеведение получает такое большое значение в нашей жизни²⁴.

Тема новых задач краеведения красной нитью проходит буквально через все номера журнала. Передовая статья второго номера за 1930 г. озаглавлена «Краеведение – на новые пути». В ней в первых же строках дается главная установка: работа краеведов «отныне... должна быть проникнута и подчинена одной идее, одной общей задаче – задаче социалистического строительства. <...> Вся исследовательская работа должна быть пропитана практическими задачами современности и тесно связана с развивающимся строительством. Отход от этих задач – есть аполитизм, особенно вредный и недопустимый в момент обострения классовой борьбы, которая происходит в наше время в СССР»²⁵. И в связи с этим – вторая программная установка (со ссылкой на решения IV Всероссийской конференции по краеведению):

Краеведение только тогда будет советским, когда в рядах краеведческих организаций будут участвовать подлинные массы трудящихся рабочих и крестьян. ...необходимо перенести все внимание, всю энергию в низы – на фабрики, заводы, в совхозы, колхозы, в сельские школы, избы-читальни и т. д. и т. д.²⁶

Новые задачи, новые масштабы краеведческой работы требовали и новых методов их реализации. На страницах журнала краоведам настойчиво рекомендовалось воспользоваться теми методами, которые еще никогда не применялись в краеведении, но доказали свою эффективность «в других разрезах жизни», в частности, «соцсоревнование является одним из тех могучих способов, который позволит и в области краеведения при наименьших размерах времени, энергии и сил достигнуть наиболее успешных результатов», сделать работу краеведов «ударной, боевой»²⁷.

Уже в этом же втором номере журнала за 1930 г. заметно усилены акценты в отношении краеведения предшествующего периода, здесь речь не просто о необходимости выхода краеведов из «кабинетов» в массы:

Раньше краеведческая работа носила отвлеченный характер, не связанный с жизнью, носила оттенок любительства, замкнутого академизма. <...> Краеведческая организация не смогла объединить силы низовых работников, рабочих, крестьян-общественников, занимающихся изучением своего края по линии секций советов, сельсоветов, партийных и комсомольских ячеек, школ и т. д.²⁸

Еще более тесная увязка краеведческой работы с общегосударственными, партийными задачами развертывания ускоренными темпами социалистического строительства «на всех фронтах», индустриализации, «социалистической реконструкции сельского хозяйства», «решительного наступления на остатки капиталистических элементов» в обществе была намечена в связи с решениями XVI съезда ВКП(б) в передовой статье в третьем номере за 1930 г.²⁹ Помимо связи с массами, краеведы должны были решать задачу самого тесного взаимодействия с хозяйственными и плановыми органами. Собственно и смысл краеведческой работы в целом низводился до подготовки ответствующей базы для планирования и последующей хозяйственной деятельности:

Работа краеведных организаций должна быть наиболее гибкой, наиболее увязанной во всех частях с общими задачами той или иной хозяйственной единицы. Работа краеведных организаций должна быть построена так, чтобы результаты деятельности этих организаций могли быть использованы планирующими и оперативными органами³⁰.

Научное, исследовательское, историко-культурное начало, таким образом, полностью выхолащивалось из понятия «краеведение», и об этом недвусмысленно говорилось на страницах журнала:

Вопросы «истории», которые имеют в краеведной работе преобладающее значение, должны уступить место вопросам текущего момента, находящимся в тесной связи с задачами социалистического строительства, с осуществлением решений XVI партсъезда и II Московской областной партконференции³¹.

На страницах последнего, четвертого, номера журнала за 1930 г. эта мысль конкретизируется:

...Главное внимание краеведных организаций должны привлекать работы, связанные с изучением производства и естественно-производительных сил. Все прежние формы и содержание работ, обнимающие по преимуществу вопросы истории и археологии, должны быть в корне изменены. Краевед должен владеть историческим методом, но только с одной оговоркой: история и археология для него не должны быть самоцелью, а только методом для разрешения актуальных проблем социалистического строительства, и только постольку, поскольку социалистическое строительство этого требует³².

Что именно предлагалось изучать краеведам, чтобы идти в ногу со временем? Масштаб поставленных задач был велик, конкретно для подмосковного краеведения он определялся курсом на создание в области металлургической базы, химической промышленности, в целом на индустриализацию, а следовательно, на обеспечение области топливно-энергетическими ресурсами, и в первую очередь местными. Исследование Московского края именно в ракурсе этих задач и должны были осуществлять краеведческие организации. Кроме того, в качестве важнейших задач выдвигалось изучение методов соцсоревнования, ударничества, «непрерывки» (непрерывной трудовой недели), семичасового рабочего дня, изучение кооперации в кустарной промышленности, производительных сил и производственных отношений в совхозах, колхозах, вопросов распределения продуктов в колхозах, колхозного быта и т. д.

Краевед не может пройти мимо таких вопросов, как оборона страны, культурное строительство, всеобуч, политехнизация школы и т. п. Каждый краевед должен быть активным участником по укреплению

обороны страны так же, как и активным культурармейцем по поднятию культурного уровня трудящихся масс и внедрения в массы научно-технических знаний³³.

Культурный срез исследовательской краеведческой работы теперь должен был быть представлен изучением вопросов социально-культурного строительства края: «Краеведные организации должны войти в полосу живой текущей жизни, изучая нового человека, строителя нового об-ва и создателя новых общественных форм, как в области экономики, так и в области культуры и быта»³⁴.

Новые задачи и методы краеведения требовали новых подходов к организации всей краеведческой сети в области. Помимо выстраивания вертикали краеведческих организаций от низовой ячейки – кружка – на фабрике, заводе, в колхозе, совхозе, школе и проч., следовало подчинить единой схеме работу всех организаций, так или иначе выполняющих краеведческую работу: музеев, обществ, кружков, а все вместе жестко увязать с деятельностью партийно-хозяйственных органов. Решение этой задачи требовало «создания единого плана научно-исследовательских работ в области и выработки стройной системы взаимоотношений и распределения функций и обязанностей между всеми краеведными организациями», «строгого контроля за выполнением плана каждой краеведной организацией, при единых методах изучения и единых организационных планах»³⁵.

Уже упоминавшаяся передовая статья в № 4 за 1930 г., написанная от имени Московского временного областного бюро краеведения, призывала: «Всех... кто хочет активно участвовать вместе с рабочим классом и его партией, вместе с колхозными массами деревни в социалистическом переустройстве нашего хозяйства, культуры и быта, мы зовем в кратчайшие сроки развернуть работу по изучению своего края на новых основаниях... по-новому развернуть свою работу, преодолевая традиции старого любительского краеведения, борясь за революционное марксистско-ленинское начало в исследовательской работе и очищая свои ряды от случайных чуждых социалистическому строительству людей в краеведном движении»³⁶. (Заметим, насколько более резким и нетерпимым становится тон передовиц к концу 1930 г.: объявленный партийным руководством страны лозунг усиления классовой борьбы по мере продвижения в деле строительства социализма должен был укореняться в сознании советских людей, и прессе здесь принадлежала ведущая роль. Краеведческий журнал не только не стал исключением, но и само краеведение, и кадры краеведов были тем полем,

где пропагандируемая государством классовая борьба должна была развернуться неизбежно и с особой остротой, учитывая ту связь, которая существовала между краеведением «золотого десятилетия» и дореволюционным.) В развитие этих лозунгов в статье констатировалось, что «отжившие свое время замкнутые корпорации, какими являлись общества краеведения, ныне ликвидируются», основной ячейкой становится «производственный краеведческий кружок», районную сеть кружков возглавляет районное бюро краеведения, которое должно «установить здоровые тесные отношения с местным краеведным музеем, создать единый план исследовательских работ в районе на основе задач и планов местного РИКа, всячески объединять и экономить силы краеведов-исследователей, организаторов, стать научно-общественным активом при местном музее» и организатором масс в деле «социалистического переустройства края»³⁷. В этом же номере в статье И. Клабуновского «Чего мы хотим от нового краеведения»³⁸ указывалось, что это новое, советское, краеведение противоположно старому по своим задачам. Жестко критикуя краеведческие организации прошлого, указывая на слабость постановки краеведческой работы в Московской области, автор пишет:

Мы по-прежнему, по старинке вели археологические раскопки, изучали жуков и стрекоз, развертывали целые исследования о том, где стоял «пушечный двор» в Москве, или о том, как царь Петр возвращался из своей заграничной поездки в Москву, и т. д. и воображали, что это-то и есть краеведение³⁹.

Подлинное краеведение, по И. Клабуновскому, должно противопоставить себя этим традициям: выйти «из лабораторий, музейных зал, из архивохранилищ и библиотек»; войти «в повседневную творческую работу трудящихся масс», стать «делом самих трудящихся»⁴⁰; твердо встать на рельсы классовой борьбы, борьбы за массы; оно должно, наконец, «без отклонений и вывихов» вооружиться методом диалектического материализма, марксистско-ленинской теорией.

С последнего выпуска за 1930 г. на страницах журнала начинают публиковаться статьи директора Московского областного музея и председателя МОБК К. Коноваловой (ставшей, как уже упоминалось, ответственным редактором журнала), которые содержат призывы решительно отказаться от форм и содержания краеведческой работы предшествующего периода, оцениваемого автором исключительно негативно. Так, в статье «На новом эта-

пе»⁴¹ старым краеведческим организациям противопоставляются новые, являющиеся «массовыми органами советской общественности», что соответствует задачам краеведной работы, сформулированным XIII съездом Советов. Характерная деталь: понятие «советское» применяется именно в отношении современного краеведения, начала 1930-х годов, что, видимо, должно было еще более жестко подчеркнуть принципиальную разницу между ним и краеведением 1920-х годов («не советским»). Напомним, что и главный печатный орган ЦБК журнал «Краеведение», выходявший в 1920-е годы, с 1929 г. уступил место «Советскому краеведению». К. Коновалова пишет: «Только активное служение интересам диктатуры пролетариата в борьбе за социализм наполняет краеведческое движение подлинно научным содержанием в области исследования природы, экономики и общественной жизни страны. <...> Новая волна краеведческого движения должна смести все старые, закостенелые формы краеведной работы», положив в основу своей исследовательской работы марксистский метод, «с новыми силами, на новых рельсах краеведение выйдет на широкую дорогу».

Если на протяжении 1930 г. в журнальных передовых статьях несколько раз упоминалось о том, что не все еще краеведческие организации полностью перестроились, и в частности, это касалось Московской области, то в отношении главной печатной трибуны подмосковного краеведения дело обстояло иначе. О том, насколько органично журнал адаптировался в меняющихся общественно-политических условиях начала 1930-х годов, можно судить и по его содержанию, и по тону программных статей. № 1 (5) журнала за 1931 г. открывается статьей секретаря МОБК А. Филичкина, посвященной проблеме участия краеведов в работе на селе, в коллективизации, «Наши задачи в весеннем севе 3-го года пятилетки», где с первых же строк заявляется:

Вопреки болтовне оппортунистов всех мастей о трудностях и невозможности выполнения намеченных темпов в области переустройства сельского хозяйства, партия, рабочий класс и трудовое крестьянство нашей страны, вступая в борьбу в наступившей второй большевистской весне за выполнение намеченных темпов в решающий 3-й год пятилетки, имеют бесспорные блестящие победы, отмеченные в решениях декабрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)⁴².

Далее в статье, насыщенной в равной степени характерной для периода коллективизации фразеологией и цифрами, свидетельствующими в основном о «бесспорных блестящих победах» кол-

лективизации в СССР, названы и задачи подмосковного краеведения (с учетом того, что Московская область как раз по показателям значительно отстает от других районов страны):

Краеведные организации районов и на селе должны притти на помощь местным организациям (совхозам, колхозам, сельсоветам, ККОВ), учесть могущие быть прорывы на посевном фронте, помочь обеспечить 100% вспашку и обсеменению ярового клина. <...> Помочь поставить работу МТС бесперебойно, рентабельно, сорганизовать активность трудящихся вокруг работы станций, а краеведческим музеям в экспозиции музея отобразить работу МТС – таковы задачи, выдвигаемые перед нами⁴³.

Эти задачи подмосковные краеведы должны выполнять в условиях «боевых», когда успехи социалистического строительства неизбежно вызывают «отчаянную травлю капиталистов всего мира», которые «видя в осуществлении пятилетки свою гибель... ведут бешеную подготовку к нападению на Советский Союз». В связи с этим «краеведы Московской области должны быть на передовых позициях вместе с партией, вместе с рабочим классом и трудовым крестьянством в выполнении задач второй большевистской весны. Весенний сев будет боевым экзаменом для наших краеведных организаций...». Особое внимание краеведческих организаций обращалось на «антирелигиозную пропаганду, так как бесспорно, что классовый враг в рясе и без нее вместе с кулачеством поведет решительное наступление против наших большевистских мероприятий во вторую большевистскую весну»⁴⁴.

В этом же номере той же теме посвящена статья К. Коноваловой⁴⁵. Здесь определены задачи, стоящие непосредственно перед краеведами и базовыми и районными музеями области, которые в тесном взаимодействии должны ударно включиться в посевную кампанию (передвижные выставки, призванные «особенно выпукло показать» преимущества коллективного хозяйства, доклады и прочие мероприятия, которые должны разъяснить населению задачи посевной кампании и др.). И здесь также настойчиво рекомендуется уделить особое внимание «выявлению классовой борьбы, происходящей в деревне, разоблачению роли кулачества, религиозных организаций и других враждебных сил, борющихся с мероприятиями Сов. власти».

Заглавные статьи третьего выпуска журнала за 1931 г., написанные членами редколлегии, вновь обращаются к общим проблемам краеведения и краеведческого движения на современном этапе⁴⁶.

Проблема краеведения и общественности, поднятая в статье Шестопалова, касается еще одного важнейшего фронта краеведческой работы – индустриализации – и также в связи с научно-исследовательским потенциалом краеведения. Автор упрекает профсоюзные организации в пассивности, в ожидании указаний сверху для установления прочных связей с краеведами и подчеркивает, что «сама жизнь» исправляет эти недоработки, поскольку на фабриках и заводах организуются кружки (ячейки) самими рабочими, желающими «как новые хозяева» знать свою фабрику и завод, их настоящее и прошлое. Действительно, в конце 1920-х – начале 1930-х годов известная программа изучения фабрик и заводов может рассматриваться как одно из интереснейших и важнейших краеведческих начинаний, не получивших (да объективно и не могших получить) должного развития. Трактовка целей такого изучения, данная в статье Шестопалова, вполне показательна: нужно это для того, чтобы рабочий понимал, что нужно сделать, чтобы завод «стал еще более мощным». Необходимое рабочему знание – чисто утилитарное (изучение сырьевой базы, местоположения завода или фабрики, быта самих рабочих, их досуга: «ведь, чем культурнее рабочий, тем меньше несчастных случаев на производстве, уменьшается количество брака, проявляется более бережливое отношение к машине»). Роль, как выражается автор, «краеведчества» в этом деле велика: работе, которая уже ведется рабочими по собственному почину, надо придать правильное направление, исследовательский потенциал краеведения должен быть поставлен на службу рабочему классу. Примечательно, что автор почти с умилением ставит в пример отечественному краеведению Западную Европу, сетуя, что до сих пор в плане изучения отдельных местностей у нас ничего не делалось (т. е. весь опыт и дореволюционного краеведения, и краеведения 1920-х годов автору неизвестен, либо, что вероятнее, сознательно не принимается им во внимание):

Наша задача развить в массах интерес не только к природе, но и к местам, для этого нам не мешало бы брать пример с Западной Европы, где любителями краеведения описаны каждый уголок, на каждом перекрестке дорог поставлены столбики с надписями: куда и какая дорога ведет, и бережно обложена камешками, у нас же в этом отношении пока еще нет ничего, и можно пройти сотни километров в таких местах, богатых как минеральными источниками, так и различными видами ископаемых и растительностью, которыми так богата наша страна. Например – Северный Кавказ, Урал, Крым, Сибирь, Донбасс, нигде не

увидите и следа того, чтоб кто-нибудь интересовался этой местностью, настолько хотя бы, чтоб поставить на дороге, ведущей туда, столбик с надписью, которая указала бы, чем место это замечательно, что то или другое место взято под чьим-нибудь наблюдением... (!)

Продолжение темы, но уже в совершенно конкретном приложении, следует в передовой статье Н.А. Коршунова «Массовая научно-исследовательская краеведная работа во встречном плане»⁴⁷ в последнем выпуске журнала. Велика роль краеведения как научно-исследовательского метода в разработке встречных планов: рабочий и колхозник, составляя предложения во встречный план, хоть и самостоятельно, но уже занимаются исследовательской краеведческой работой, при этом важно и то, как утверждает автор, что «большая часть рабочих по политическому уровню, по знанию марксизма-ленинизма стоят выше лордов и леди, имеющих высшее образование», а воспитанный самой советской жизнью новый человек – ударник – это еще более сильная база для научно-исследовательской работы масс. <..> «Производственная бригада – первичная краеведная ячейка при плано-оперативных группах на заводе, в совхозе и колхозе, должна стать базой краеведной работы».

Следует отметить, что, помимо программных статей, само содержание всех восьми номеров журнала может не менее красноречиво показать картину направленности краеведческой работы начала 1930-х годов и охарактеризовать в целом условия, в которых в тот период развивалось отечественное и, в частности, подмосковное краеведение. Приведем примеры: М.Я. Феноменов «Товарищи колхозники, изучайте свой колхоз», Ю. Карпинский «Изучайте полезные ископаемые. Анкета по сбору сведений о полезных ископаемых» (1930. №1); «Внимание к известковым залежам. (Обращение Об-ва [ОИМО – А. С.]», П.А. Иванов «Поднятие урожайности и известь», «Дикорастущее сырье и пищевая промышленность», (1930. №2); И.А. Здановский «Заморозки начала июня», Г. Воронов «Планирование сельского хозяйства и краеведная исследовательская работа», И. Клабуновский «Как приступить к изучению жизни рабочих в производстве и быту» (1930. №3); Б. Кафенгауз «Краеведение и вопросы товарооборота» (1930. №4); С.Н. Ягужинский «Что должен знать краевед о силосовании», А. Иванов «Поведем борьбу с повиликой», А. Бахарев «О посадке картофеля ростками», Н.А. Шнеерсон «Проблема животноводства и задачи краеведческих музеев. (Опыт построения плана работ Истринского музея), «Изыскание извести в Дмитровском районе», (1931. №1 (5)); Н.И. Осипов «Борьба с потерями – основная задача сегодняш-

него дня (опыт организации выставки по борьбе с потерями)», Е.С. Радченко «Краеведческий музей и политехнизация школы» (1931. № 2 (6)); А.Н. Елвонский «Изучение рыбного хоз-ва в Московской области и участие в этой работе краеведов», А.М. Брянский «Изучение естественных кормов и задачи краеведов» (1931. № 3 (7)); Вагин «Вопросы изученности охотничьего хозяйства и промысловой фауны Московской области и очередные задачи в деле дальнейшего изучения», Дунин «Наши предложения краеведам (способ сушки сои)», Горох «Курсы по изучению полезных ископаемых» (1931. № 4 (8)) и т. д.

При этом можно выделить единичные материалы, статьи, которые все же посвящены краеведческим проблемам в современном понимании и в традиции историко-краеведческих исследований «золотого десятилетия». Например, обратим внимание на небольшую заметку известного московеда, бывшего и членом Комиссии «Старая Москва», и затем членом Общества изучения Московской губернии (позднее ОИМО), П.Н. Милера «Выставка строительных материалов в Москве»⁴⁸. За «промышленным» названием выставки скрываются результаты большой историко-краеведческой исследовательской работы, проведенной московедами под его руководством в ходе археологических и краеведческих наблюдений за строительными работами в Москве (результатами которых была и известная выставка «Московский мусор»). Статья Г.В. Корсунского «Обратим внимание на фарфоровую и фаянсовую посуду»⁴⁹ – вполне в духе времени. И все же выделим ее, ибо здесь речь идет о необходимости изучать художественные промыслы и производства Московской области (руководство этим направлением брала на себя искусствоведческая секция ОИМО). Конечно, цель такого изучения продиктована тем, что «посуда должна способствовать развитию и укреплению нового быта. Она должна содействовать происходящей культурной революции. Рисунки на ней не только должны быть красивы, но и должны иметь агитационно-воспитательное значение для трудящихся, пользующихся ею». И, конечно, «рабочую массу надо привлечь и к содействию освобождения фарфоро-фаянсового производства от засилья дворянских и буржуазных рисунков, и к оценке новых рисунков и орнаментов». И тем не менее на фоне прочих тем нового, советского краеведения призыв к изучению художественных производств и подчеркивание особой роли в этом краеведения, пусть и с вполне идеологическими целями, – это хоть и слабая, но все же ниточка преемственности от предшествующего периода. В контексте еще более прочной преемственности традиций краеведения, безусловно, можно рассматривать

и статью археолога О. Бадера, помещенную в одном из номеров журнала за 1931 г.⁵⁰, где автор подчеркивает огромное значение «археологического краеведческого изучения», которое «неизменно возбуждает самый живой интерес у местного населения». Главная тема статьи – значимость археологических исследований и острая необходимость охраны археологического наследия, что звучит большим диссонансом для начала 1930-х годов. По мысли О. Бадера, низовой кружок может «поставить своей задачей учет археологических памятников края, всячески заботиться об их охране», участвовать в археологических работах научных учреждений и «вести широкую работу среди населения по разъяснению истинного значения местных археологических памятников»⁵¹. Конечно же, такая работа вызвана задачами, в первую очередь, борьбы с религиозным сознанием и воспитания в массах материалистического мировоззрения, она – в контексте главных задач реализации пятилетки (вне такого контекста статья вряд ли могла попасть на страницы журнала), но, по существу, автор подходит к проблеме совсем наоборот, он пишет о первостепенном значении «участия масс в деле охраны археологических памятников», указывает, что размах строительства во всех сферах в связи с задачами пятилетки грозит гибелью памятникам, и поэтому «необходимо повести в массах работу по пропаганде охраны памятников», учитывая «их значение для нашей истории»⁵².

Еще одной важной темой, занимающей большое место на страницах журнала, являются музейное строительство и краеведческая работа музеев. Причем, помимо отдельных статей в разных номерах, этой теме посвящен целиком № 2 за 1931 г. Начинается он передовицей, воспроизводящей речь Н.К. Крупской на 1-м Всероссийском съезде музейных работников (декабрь 1930 г.) «Музей на фронте классовой борьбы и советского строительства» (С. 1–3), где музеям (особенно краеведческим) отводится роль «опорных пунктов пропаганды и агитации», форпостов антирелигиозной борьбы, средства борьбы с «великодержавным шовинизмом» в пользу «отсталых народностей» и стимулирования соцсоревнования, продвижения новых форм труда и т. д. Эту же тему развивают и другие статьи: К. Коноваловой «На путях к советскому музею» (С. 3–5), Н.А. Шнейерсона «1-й Всероссийский музейный съезд и краеведческие музеи» (С. 5–6). В отдельную рубрику «Музей в рабочем районе и на фабрике» сгруппированы материалы, повествующие о формировании музейных экспозиций, посвященных эффективности семичасового рабочего дня (введен в 1927 г.) и непрерывной рабочей недели и программам краеведческих обследований пред-

приятый; опыту организации выставок, посвященных борьбе с потерями на производстве, и др. В рубрике «Музеи – за перестройкой своей работы» интересна статья К. Виноградова «Музей-усадыба на новых путях. (Из опыта работы Останкинского музея)» (С. 23–27). Конечно, здесь, как и везде, присутствует идеологический рефрен: «Шереметев как крупнейший эксплуататор», крепостничество, «крепостная рабоче-крестьянская масса», но интересно, что в целом статья как раз показывает многогранность музея-усадыбы, где перечисленные темы – лишь одна из сторон музейного собрания (!). «Останкино интересно для истории русской и европейской культуры, для истории театра в России, для истории декоративного искусства. для истории техники мануфактурного периода... для истории быта аристократии, для всесторонней характеристики крепостничества XVIII в. и для истории паркового искусства», – пишет автор (С. 23). Статья заметно выбивается из общего тона журнальных материалов, созвучных реалиям начала 1930-х годов.

На страницах журнала большое место занимают методические краеведческие материалы, ориентированные на реализацию основных задач советского краеведения, что интересно с точки зрения организации, постановки работы краеведов и краеведческих объединений и позволяет проанализировать специфические организационные формы краеведческой работы этого периода. Отметим, например, статьи Н. Коршунова и А. Григорьева «Как организовать краеведческий кружок и как наладить его работу» (1930. № 1), Н. Коршунова «Как составить план работы краеведческого кружка на летний–осенний период» (1930. № 2), И. Клабуновского «Как приступить к изучению жизни рабочих в производстве и быту» (1930. № 3), М. Комаровой «Как мы организуем работу на предприятиях», Сосенковой «Из опыта работы по организации массового краеведения» (1930. № 4), ее же «Краеведная работа в колхозе», М. Комаровой «Социалистические методы работы в краеведческих музеях», К. Виноградова и Найдышева «Краеведческая работа в историко-бытовых музеях (музеях-усадыбах)» (1931. № 4) и некоторые другие. К этой же тематической группе следует отнести те публикации, где подробно описываются методики обследования района, предприятия, колхоза, методики создания музейной экспозиции, выставки, передвижной выставки и проч.

Обратим также внимание на размещенные в журнале материалы, касающиеся таких новых форм краеведческой работы, как краеведческая пятидневка, месячник и культпоход. В третьем номере за 1930 г. в качестве анонса на обороте титула помещено обращение «Краеведы! Готовьтесь к краеведческой пятидневке, которая,

по постановлению Центрального Бюро Краеведения, будет проводиться с 1-го по 5-е декабря 1930 г.!), и далее поясняются задачи этого мероприятия, связанные с пропагандой новых форм и методов краеведческой работы, с его «огромной ролью в деле социалистического строительства», с постановкой перед трудящимися «актуальных тем краеведческих работ», с созданием низовых краеведческих ячеек и т. д. А в следующем, четвертом, номере помещена развернутая статья А. Филочкина «Культпоход и краеведческая пятидневка»⁵³, где, ссылаясь на темпы реконструкции народного хозяйства и «победоносное наступление пролетариата на фронте индустриализации страны» и коллективизации и апеллируя к решениям II Московской областной партийной конференции, автор указывает, что «история безжалостно отменяет из среды краеведов старые и враждебные элементы. Но... классово чуждая нам идеология в краеведческой организации далеко еще не изжита. Есть отдельные прослойки, которые всеми силами стремятся удержать краеведческое движение в прежних рамках. Паникеры из этого лагеря шарахаются от новых форм и методов, в которые сейчас вступает массовое краеведческое движение, и сознательно тянут назад»⁵⁴. Однако средства оздоровления краеведения есть: «Решительная чистка краеведческой организации от чуждого нам элемента – первая и очередная задача культпохода в краеведческую пятидневку»⁵⁵. Причем культпоход рассматривается как часть единого плана массовой политпросветработы, как залог успеха культурной революции. Значимость этих мероприятий оценивалась столь высоко, что ЦБК постановило превратить пятидневку в месячник начиная с 10 декабря, а первую пятидневку (по 15 декабря) объявить ударной.

Анализируя тематическое наполнение «Краеведа-массовика», отметим ценность его материалов, посвященных конкретным краеведческим объединениям и организациям, а также строительству (перестройке) всей краеведческой сети Московской области (и сопредельных областей – Тульской, Рязанской, Тверской и проч.). Иногда это довольно объемные статьи, иногда небольшие информационные материалы и заметки, сгруппированные в рубрику «Хроника». В первую очередь журнал отражает историю деятельности и трансформации головных краеведческих организаций области – ОИМО, Московского областного бюро краеведения, Областного музея краеведения (о чем уже упоминалось выше). Кроме того, есть очень интересная информация (справочная, иногда довольно развернутая) о различных краеведческих организациях, работавших в Московской области: А. Григорьев «Работа краеведческих организаций в Московской области» (1930. № 1) кратко

характеризует ОИМО и краеведческие объединения Московского, Орехово-Зуевского, Коломенского, Серпуховского, а также других округов (ныне не входящих в состав Московской области). ОИМО посвящена и информация Б. Иваненко «Общество изучения Московской области вступило в соцсоревнование» (1930. № 2). В четвертом выпуске за этот же год есть информация о реорганизации ОИМО и его филиалов (Н. Мавровский «Реорганизации краеведческой сети») и о работе Методического бюро Московского областного музея в сентябре–ноябре 1930 г. (З. Молоткова). Большая информация об ОИМО, его краеведческих ячейках в области, о библиотеке «Краеведа-массовика», а также о краеведческих ячейках в Москве и Московской области по сведениям Московского областного бюро краеведения помещена в №1 (5) за 1931 г. (Н. Мавровский, Н. Дорогутин, А.И. Малиновский). Информацию о музейном строительстве в 1930 г. можно почерпнуть из статьи Е. Радченко «О новых формах руководства музейной сетью в Московской области» (1930. № 3). Очень важен помещенный в № 2 (6) за 1931 г. «Отчет о работе методического бюро при Московском областном музее» (за восемь с половиной месяцев 1930–1931 гг.). О «Развитии краеведческой сети в Московской области» и о «Договоре о социалистическом соревновании между Областным Бюро Краеведения Московской и Иваново-промышленной областей» рассказывают материалы «Хроники» в третьем выпуске журнала за 1931 г. и т. д.

Из отдельных краеведческих объединений области специальное внимание в нескольких номерах журнала уделено работе Кудиновского краеведческого кружка (Ногинский район)⁵⁶, Гиблицкой опытно-краеведческой базе (Касимовский район; ныне Рязанская обл.)⁵⁷, краеведческим организациям Истринского, Раменского районов⁵⁸, музейно-краеведной работе в Звенигородском районе⁵⁹. Следует также отметить материалы, рассказывающие о работе юных краеведов, например «О работе кружков юных краеведов в Сходненском районе Московской области в 1930 г.»⁶⁰.

Нельзя не упомянуть и очень интересный и оригинальный сюжет из истории краеведческого движения 1930-х годов, присутствующий на страницах журнала, который связан с инициативой строительства самолета «Краевед», решение о строительстве которого принял X Пленум ЦБК и на строительство которого МОБК объявило сбор средств, установив «контрольную цифру в 3000 руб.»⁶¹ Вызвана эта инициатива была тем, что «классовый враг со скрежетом зубов смотрит на воздвигаемые социалистические гиганты, мировая буржуазия видит свою гибель в “пятилетке”, поэтому мобилизует своих агентов... на провокацию, гнусную клевету о принудительном

труде в СССР, вплоть до экономической блокады и интервенции, о чем нам подробно рассказывали буржуазные агенты на судебном процессе “промпартии” и “союзного бюро меньшевиков”. Войны мы не хотим, но к бою должны быть готовы» – вот причины строительства самолета «Краевед», который должен был войти в «ряды Пролетарского Воздушного флота». МОБК призывало закончить сбор средств к 1 июля 1931 г. и дать сверхплановую сумму сбора от Московской области в 5000 руб. Однако выполнить этих обязательств не удалось: А. Малиновский приводит сведения по 24 районам, которые перечислили средства на самолет к 13 октября 1931 г. – всего 1708 руб. 54 коп. Проследить дальнейшую судьбу этого интересного начинания невозможно, поскольку эта информация была помещена в последнем выпуске «Краеведа-массовика».

Возвращаясь к разделам «Хроника» и «Официальный отдел», отметим, что они содержат сведения о краеведческих конференциях и совещаниях как в пределах современной Московской области, так и за ее границами: об Окружной краеведческой конференции в Твери (1930. № 2), о V Районной краеведческой конференции в Воскресенске и о Базовом совещании при Воскресенском музее (1930. № 3), о подготовке Областной (Московской) краеведческой конференции в 1931 г. (№ 2 и 3) и др. В материалах «Официального отдела» интересны также и опубликованные там нормативные документы советских и партийных органов, а также Наркомпроса, МОНО, ЦБК и прочие, свидетельствующие о специфике развития краеведческой работы и принципах организации краеведческой сети Подмосковья в начале 1930-х годов.

В целом, подводя итог обзора материалов журнала «Краевед-массовик», можно утверждать, что это периодическое издание исключительно важно и информативно (причем содержит информацию достаточно разноплановую) с точки зрения отражения реалий отечественного краеведения в целом и непосредственно краеведения Московской области, соответствующих новым реалиям жизни советского государства и общества в начале 1930-х годов.

Примечания

¹ Вопросы истории краеведения в 1930-е годы в отечественной историографии разрабатывались В.Ф. Козловым. См., например: *Козлов В.Ф.* Вопросы исторического краеведения в краеведческой периодике 1930-х гг. // Первая Всесоюз. науч. конф. по ист. краеведению (г. Полтава, окт. 1987). Киев, 1987. С. 121–122; *Он же.* Вопросы исторического краеведения в журнале «Советское краеве-

- дение» (1930–1936) // Историческое краеведение в СССР. Вопросы теории и практики: Сб. науч. ст. Киев. 1991. С. 49–51; *Он же*. «Огосударственное» краеведение. История и уроки. (По страницам журнала «Советское краеведение»: 1930–1936) // Вестн. РГГУ. 2013. № 9 (110). Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». С. 53–83.
- ² *Козлов В.Ф.* «Огосударственное» краеведение... С. 55.
  - ³ Постановление Совета Народных Комиссаров от 30 марта 1931 г. № 396 «О мероприятиях по развитию краеведческого дела» // Краевед-массовик (КМ). 1931. № 2 (6). С. 48.
  - ⁴ Июньский пленум ЦК ВПК(б) и задачи краеведения на новом этапе // Советское краеведение. 1931. № 7–8. С. 1–4.
  - ⁵ *Козлов В.Ф.* Вопросы исторического краеведения... С. 49.
  - ⁶ *Толстов С.* Введение в советское краеведение. М.; Л., 1932. С. 43.
  - ⁷ Постановление Совета Народных Комиссаров от 30 марта 1931 г. ... С. 48.
  - ⁸ Там же. С. 49.
  - ⁹ *Григорьев А.* Комитет по массовой работе об-ва // КМ. 1930. №1. С. 16
  - ¹⁰ *Костомаров Г.* О массовой работе по краеведению в Московской области // Там же. С. 1.
  - ¹¹ *Большаков А.* Твердое задание на 1931 г. Каждая область, каждый край обязательно имеют свой краеведный журнал // Советское краеведение. 1931. № 7–8. С. 106.
  - ¹² *Костомаров Г.* Указ. соч. С. 1–2.
  - ¹³ КМ. 1930. № 1. С. 7.
  - ¹⁴ Там же. С. 13.
  - ¹⁵ Там же. С. 16.
  - ¹⁶ Там же. С. 16.
  - ¹⁷ Там же. № 4. С. 2.
  - ¹⁸ Там же. С. 19.
  - ¹⁹ Там же. С. 1.
  - ²⁰ Там же. № 1. С. 1.
  - ²¹ *Дорогутин Н.А.* Почему мы должны изучать Московскую область // Там же. С. 2–4.
  - ²² Там же. С. 2.
  - ²³ См., например: *Архангельский С.* Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.
  - ²⁴ *Дорогутин Н.А.* Указ. соч. С. 3.
  - ²⁵ Краеведение – на новые пути // КМ. 1930. № 2. С. 1.
  - ²⁶ Там же. С. 1–2.
  - ²⁷ Там же. С. 2.
  - ²⁸ *Н. К* итогам всероссийской конференции по краеведению // Там же.
  - ²⁹ Краеведная работа в свете решений XVI партсъезда // Там же. № 3. С. 1–2.
  - ³⁰ Там же. С. 1.
  - ³¹ Там же. С. 2.

- ³² *Коновалова К.* На новом этапе // Там же. № 4. С. 3.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Краеведная работа в свете решений XVI партсъезда // Там же. № 3. С. 2.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Всем краеведным организациям Московской области // Там же. № 4. С. 1.
- ³⁷ Там же. С. 2.
- ³⁸ *Клабуновский И.* Чего мы хотим от нового краеведения // Там же. С. 5.
- ³⁹ Там же. С. 5–6.
- ⁴⁰ Там же. С. 6.
- ⁴¹ *Коновалова К.* На новом этапе // Там же. С. 2–3.
- ⁴² *Филичкин А.* Наши задачи в весеннем севе 3-го года пятилетки // Там же. 1931. № 1 (5). С. 1.
- ⁴³ Там же. С. 2.
- ⁴⁴ Там же. С. 3–4.
- ⁴⁵ *Коновалова К.* За активное участие в весенней посевной кампании. Всем краеведческим музеям и организациям Московской области. // Там же. С.4–5.
- ⁴⁶ См.: *Коновалова К.* Науку в массы // Там же. № 3 (7). С. 1–2; *Шестопалов.* Краеведение и общественность // Там же. С. 2–4.
- ⁴⁷ *Корищнов Н.А.* Массовая научно-исследовательская краеведная работа во встречном плане // Там же. № 4 (8). С. 1–2.
- ⁴⁸ *Миллер П.Н.* Выставка строительных материалов в Москве // КМ. 1930. № 2. С. 11–12.
- ⁴⁹ *Корсунский Г.В.* Обратим внимание на фарфоровую и фаянсовую посуду // Там же. № 3. С. 15–16.
- ⁵⁰ *Бадер О.* О вовлечении масс в исследовательскую работу. (Из опыта работы) // Там же. № 1 (5). С. 25–27.
- ⁵¹ Там же. С. 25.
- ⁵² Там же. С. 27.
- ⁵³ *Филичкин А.* Культпоход и краеведческая пятидневка // Там же. № 4. С. 3–5.
- ⁵⁴ Там же. С. 3.
- ⁵⁵ Там же. С. 4.
- ⁵⁶ Там же. № 2.
- ⁵⁷ Там же. № 1.
- ⁵⁸ Там же. 1931. № 1 (5).
- ⁵⁹ *Колобов В.* Из опыта музейно-краеведной работы в Звенигородском районе // Там же. 1930. № 3. С. 21.
- ⁶⁰ *Шишков А.* О работе кружков юных краеведов в Сходненском районе Московской области в 1930 г. // Там же. 1931. № 3 (7). С. 26–27.
- ⁶¹ Всем райбюро, музеям и ячейкам краеведения Московской области // Там же. № 2 (6). С. 49.